

У литературной карты Крыма

Тот уголок земли

«Знаешь, я купил участок, завтра пойдем смотреть. Вид изумительный!» — такими словами встретил в Ялте свою сестру Антон Павлович Чехов. Речь шла о будущем доме и саде, о том, что сегодня мы считаем своей духовной собственностью. Когда на следующий день Чехов с сестрой подошли к купленному участку, Мария Павловна не смогла скрыть своего первого неприятного впечатления. Достаточно было, что шли они долго, участок оказался далеко от моря, а тут еще и «нечто невероятное: старый корявый виноградник, обнесенный плетнем, ни дерева, ни кустика, никакой постройки...»

Но постепенно это впечатление стало меняться. И дело, очевидно, было не только в открывающемся с участка виде, действительно красивом и живописном, с широким морским горизонтом, с Ялтой, как на ладони, молот и подходящими к нему парусными судами и пароходами, а в том, что к этой земле, сухой и твердой, прикоснулись рука и фантазия художника. И на одло чеховское творение, несущее художественную красоту, стало больше.

Проект дома сделал молодой архитектор Лев Николаевич Шаловалов, впоследствии известный архитектор, по проектам которого построены Курский вокзал в Москве, здание Московской консерватории и множество других сооружений по всей стране, в том числе и на территории Крыма.

«Дача Чехова», — писал Куприн, — была, пожалуй, самым оригинальным зданием в Ялте. Вся белая, чистая, легкая, красиво несимметричная, построенная вне какого-нибудь архитектурного стиля, с вышкой в виде башни, с неожиданными выступами, со стеклянной верандой внизу и с открытой террасой сверху, с разбросанными то широкими, то узкими окнами — она походила бы на здание в стиле модерна, если бы в ее плане не чувствовалась чья-то внимательная и оригинальная мысль, чей-то своеобразный вкус».

Ближе к весне, когда строительство дома шло полным хо-

дом, Чехов стал высаживать на купленном им участке первые деревья. Антону Павловичу хотелось вырастить и лиственные деревья из среднерусской полосы с опадающими на зиму листьями, и в то же время, интересуясь субтропическими растениями, посадил он мушмулу, кавказскую хурму, маслины и даже лимон и эвкалипт. Любил Чехов розы и множество сортов их посадил в ялтинском саду, некоторые из них даже впервые ввел в Крыму. Он сам ухаживал за ними, не доверяя никому другому.

Про чеховский сад не скажешь — раскинулся. Он стеснен землей, но не замыслом. Он приютился возле строящегося дома и с годами приютил дом. На первых фотографиях своих он кажется клумбами, разбитыми вокруг дома, но затем быстро растет. Осуществляемая сегодня реконструкция чеховского сада, рассчитанная более чем на десять лет, не унесет от нас чеховского сада, ибо он пустил здесь свои корни, завоевал эту каменную землю и пространство над ней.

Теперь, когда сад разросся, он напоминает какой-то мятеж чувств, не сад, а неразобранная партитура симфонии, из которой вырываются и доносятся разной силы и продолжительности звуки, мелодии. В чеховском саду деревья буквально прижимаются друг к другу. И кажется: в непогоду каждое дерево готово защитить другое.

Чехов никогда не мог понять, как можно писать книги о своей родине, не видя ее, не соприкасаясь с ее народом каждодневно и ежечасно. В Ялту им выписывалось множество газет, из столиц и из самых отдаленных провинций России. Свою слабую руку Чехов никогда не отнимал от пульса жизни общества. Его ялтинскую жизнь трудно назвать дачной жизнью. Это была жизнь писателя, исполнявшего до конца свой общественный долг. Едва став ялтинцем, Чехов избирается в члены попечительского совета женской гимназии, принимает участие в сборе пожертвований в пользу голодающих детей кре-

стьян Самарской губернии.

Случались дни, когда телефон и звонок в прихожей не умолкали. Невероятную радость вызвали приезды к Чехову его братьев по перу, в которых он одним из первых увидел будущую славу русской литературы: Горький, Бунин, Куприн и другие.

На стенах остались фотографии, говорящие о большой дружбе и любви; связывавшей Чехова с Шалапниным, Рахманиновым, Толстым...

Левитановские стого на камине... Если не включать свет, то в лунную ночь, обратив свой взгляд на эту картину, можно было бы вновь поверить в молодость. Вернее, вспомнить ее... Чехов любил писать о лунном свете. Вспомним заливные лунным светом поля, овраги, леса и сады в его сказазах.

И вот сырая крымская зима у холодного каминка. По тропинке судьбы, дом стал хорошо отапливаемым только через много лет, когда уже был музей. «Холодно жить» — мог бы сказать Чехов словами Блока, сидя у своего остывающего каминка. Камин был так устроен, что, не успев нагреться, остывал. Вызывали печника. Он дал несколько ценных советов, вероятно, столь же ценных, как те, что давали Чехову лечащие врачи и над которыми он сам подшучивал.

И все-таки были и теплые дни. Было тепло от писем, стекавших к нему со всех концов страны, от приездов жены — актрисы МХАТа — Ольги Леонардовны Книппер. Большую радость доставил приезд самого Художественного театра в Крым, со спектаклями по его пьесам, уже имевшим успех в Москве. Приезд театра оживил и жизнь самого города, собрав вокруг Чехова истинных друзей и почитателей его таланта.

Кажется, что у Чехова есть письма, написанные для самого себя. Это его записные книжки. Пронзительна их краткость. «На горах снег, холодно, послано в «Синоп» 70 р. Третьего дня уехал Бунин. Уехала Маша. Чудная теплая погода. Холодно, идет снег, 0°. Земля бела. Дождь. Очень

бурно на море. Мороз. Застрехан дом. Говорил с Толстым Л. Н. в телефон...» Белый стих чеховских записных книжек. Всяческое нежелание распространенных предложений. Слово масса скопившихся и неотправленных телеграмм. Строчки, как зерна, он ронял в свои записные книжки.

«Постарайся не кашлять», — писала ему сестра, Шутливый приказ или полное непонимание его положения? В нем доброе, хорошее неверие Марии Павловны в смерть такого родного и близкого человека, каким был для всей семьи все сумевший и все успевший за всех Чеховых Антон Павлович.

Чеховскую дачу стали называть в городе «Белой». Дом кажется опустившейся на камень белой птицей, уставшей в перелете, прекрасной белой птицей, отбившейся от стаи.

«Не правда ли, это так необыкновенно? Улетать и прилетать, опять», — задумчиво говорил он в свою последнюю ялтинскую весну художнику Коровицу, глядя в окно и радуясь вернувшемуся в его сад журавлю.

Как поражают нас теперь два сада, которыми Чехов занимался в последние годы своей жизни! Занимался одновременно. Один сад умирал под топором Лопашкина в его пьесе «Вишневый сад», другой вырастал и набирал силу изпод рук Антона Павловича...

— Прежде всего, друзья мои, — говорил Чехов, — не надо лжи. Искусство тем особенно и хорошо, что в нем нельзя лгать.

В правдивости чеховского слова — тайна этого необычайного художника. Толстой заметил о Чехове: «Главное, он был постоянно искренен, а это великое достоинство писателя, а благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые формы писания».

Кроме своих книг, Чехов оставил нам и свою жизнь, книгу своей жизни, в которую всегда хочется вчитываться и вчитываться. Он оставил нам свой дом. Это счастливый подарок городу, в котором жил Антон Павлович, своему народу и своей родине.

Н. АЛИПОВ,
выпускник литературного
института имени М. Горького.